

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцією Предсѣдательствующаго въ Отдѣлениіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ III и IV

годъ шестой

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія С. Н. Худекова. Владимірській пр., № 12
1896

ЗАМѢТКИ
объ этническомъ составѣ тюркскихъ пле-
менъ и народностей
и
СВѢДѢНІЯ
объ ихъ численности.

**I. Значеніе народныхъ преданій и родовыхъ именъ и тамгъ въ ка-
чествѣ указателей этническаго состава тюркскихъ племенъ и на-
родностей.**

Обитающіе на огромномъ пространствѣ отъ Охотскаго моря и Ледовитаго океана до Адриатическаго моря, въ числѣ около 26 миллионовъ, тюрки говорятъ на одномъ языкѣ, дѣлящемся только на нарѣчія, такъ что средне-азіатскій турокъ можетъ понимать и якута, и тюрка-османа ¹⁾). Напротивъ, физическіе типы тюркскихъ племенъ и народностей очень разнообразны, и въ наружности юго-западныхъ турковъ весьма мало общаго съ тюркскими племе-

¹⁾ Конечно при значительномъ вниманіи и догадливости и за исключеніемъ словъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ. Академикъ Бетлингъ,—который, кажется, слишкомъ преувеличивалъ значеніе особенностей якутскаго нарѣчія, предлагая даже тюркскій языкъ именовать семействомъ якутско-турецкихъ языковъ,—весьма рѣзко отвергалъ мнѣніе известнаго ученаго путешественника по сѣверу Сибири Эрмана, утверждавшаго что «якуть, рожденный на берегахъ Лены или Алдана, безъ затрудненія объясняется съ жителемъ Константиополя» (Бетлингъ «О языкѣ якутовъ» въ «Ученыхъ запискахъ И. Академіи наукъ по 1 и 3 отдѣленіямъ», т. I, вып. 4, 1853 г., стр. 415, 433 и 434). Однако, Миддендорфъ, немного ознакомившійся съ якутскимъ языкомъ на сѣверо-востокѣ Сибири въ 1844 и 1845 гг. и доставившій г. Бетлингу часть матеріаловъ для его грамматики и словаря, чрезъ тридцать лѣтъ могъ объясняться съ тюрками средней Азіи, въ Ферганѣ, при помощи скучныхъ остатковъ забытыхъ якутскихъ словъ: «Когда переводчикъ покидалъ меня, я въ крайнемъ случаѣ могъ объясняться съ моимъ кара-киргизомъ, если мы припоминались необходимы для того якутскія слова» («Очерки ферганской долины» Спб., 1882 г., стр. 406). Съ другой стороны Вамбери (Das Türenvolk, 1885, s. 466) завѣряетъ, по личному опыту, что турокъ Анатоліи, при некоторой внимательности, понимаетъ тюрка Восточнаго Туркестана.

либо слѣды китайскихъ примѣсей въ отдельныхъ тюркскихъ племенахъ и народностяхъ виѣ Китая. Наоборотъ, тюркскія примѣси къ китайцамъ весьма рѣзко проявляются 15 миллионами дунганъ сѣвернаго и западнаго Китая, которые видимо суть потомки окитаенныхъ хунновъ, турковъ-тукю и уйгuroвъ, десятками и сотнями тысячъ принимавшихъ китайское подданство, воворавшихся на сѣверъ Китая и получавшихъ китайскій языкъ, одежду и значительную часть обычаевъ, но сохранившихъ большую часть своей тюркской крови, а съ нею и тюркскаго характера и наклонностей. Съ принятиемъ чрезъ посредство турковъ - соплеменниковъ мусульманства, эти окитайские тюрки пріобрѣли, вдобавокъ къ прежней, новую преграду, отдѣляющую ихъ отъ китайцевъ.

IV. Тюркскія племена и народности Сибири и Монголіи.

1) Якуты.

Самымъ восточнымъ и сѣвернымъ изъ тюркскихъ племенъ являются нынѣ якуты, обитающіе главнымъ образомъ въ бассейнѣ р. Лены, но распространившіеся отсюда на востокъ до Охотскаго моря и на западъ до нижняго Енисея. Зовутъ себя якуты сами саха, имя же якутъ образовалось, какъ обыкновенно полагаютъ, изъ названія еко или яко, которое давали имъ тунгузы¹⁾.

По приведенному въ «Сѣверномъ архивѣ» 1822 г. якутскому преданию («родословію»), якуты считаютъ у себя «два поколѣнія. Первое батилинское. Начальника онаго именуютъ Омогой Бай, который..., какъ думать должно, будучи вытѣсненъ изъ своихъ мѣстъ силою оружія въ лежащую около Иркутска братскую (бурятскую) землю, кочевалъ по р. Ленѣ; спустясь внизъ по оной, сперва останавливался на устьѣ Олекмы, а потомъ ниже, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Якутскъ... Второе поколѣніе почтаетъ себя происшедшими отъ нѣкоего Эллея, тоже приплывшаго по Ленѣ, но неизвѣстно откуда. Однако должно полагать, что и онъ происходит отъ тѣхъ же самыхъ татаръ²⁾,

¹⁾ Böhlingk—Die Sprache der Jakuten, S.-Petersburg, 1851, в. XXXVI. Ошибочное утвержденіе—«якуты сами себя называютъ зохами» (какъ напр. у г. К. Ельницкаго «Инородцы Сибири и среднеазіатскихъ владѣній Россіи, этнографическіе очерки, учебное пособіе», Спб., 1895 г., стр. 81)—пошло со времени неудачного перевода несовсѣмъ вѣрной немецкой транскрипціи Георги этимъ самымъ словомъ («Описание всѣхъ обитающихъ въ россійскомъ государствѣ народовъ», второе изданіе 1799 года, часть 2, стр. 169).

²⁾ Основываясь на сходствѣ имени саха съ сагай, неизвѣстный авторъ думалъ, что Омогой принадлежалъ къ племени сагай, котораго часть существуетъ понынѣ на Енисѣѣ. По Н. Щукину, приводящему въ своей «Поездкѣ къ якутамъ» (Спб., 1844, стр. 271—275) одинъ изъ вариантовъ сказаній объ Омогои и Эллеѣ, «сами якуты говорятьъ, что они происходятъ отъ красноярскихъ татаръ», т. е. отъ сагайцевъ.

прибыть спустя не малое время послѣ первыхъ, по слухамъ объ ихъ успѣхѣ»; отъ женился на дочери Омогоя, предпочтя ей другую, любимицу отца, который разсердился за такой выборъ и далъ въ приданое одну плохую кобылу. «Эллей однако разбогатѣлъ, произвѣль двѣнадцать сыновей, потомство коихъ составило многочисленное поколѣніе, въ которомъ верховное начальство осталось въ родѣ старшаго Эллеева сына Хагаласа, котораго именемъ и по нынѣ называется кангаласкій улусъ, отъ него происшедшій... Племя же Омогоево, подъ именемъ батулинской волости, живетъ и нынѣ около Якутска,... будучи числомъ гораздо менѣе Эллеева потомства. Къ нимъ впослѣдствіи присоединились хоринцы», бурятскій родъ изъ-за Байкала. «Первое весьма темное извѣстіе о якутахъ получили россіяне отъ мангазейскихъ казаковъ въ 1620 году, но ясакъ взять тѣми же казаками не прежде 1630 г., первый же острогъ построенъ на якутской землѣ 1632 г.»¹⁾.

Это преданіе распространено между якутами и въ настоящее время повсемѣстно, во множествѣ вариантовъ, сохраняющихъ главныя его черты, съ различными дополненіями²⁾. По указаніямъ на происхожденіе родовъ инте-

¹⁾ «Сѣверный архивъ» 1822 года, часть 3, стр. 204—209.

²⁾ По словамъ В. Л. Сѣрошевскаго, который дасть обширный и богатый бытовыми подробностями вариантъ, «всякій якутъ, неравнодушный къ преданіямъ своего народа, знаетъ его и можетъ передать съ большей или меньшей полнотою» («Якуты, опытъ этнографического изслѣдованія», томъ I, Спб., 1896 года, стр. 190). Баронъ Г. Майдель, въ «Историческихъ извѣстіяхъ о якутской области», составляющихъ третій отдѣль (s. s. 441—798) второй части его *Reisen und Forschungen im Jakutskischen Gebiet Ost-Sibirien's (Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches etc., Vierte Folge, Band 2, St.-Petersburg, 1893, s. 454)*, излагаетъ то же преданіе въ слѣдующемъ видѣ: «По древнему якутскому сказанію, которое и теперь на Ленѣ извѣстно, якуты первоначально обитали на Енисѣѣ, въ сторонѣ Красноярска; были оттуда вытѣснены и перешли на востокъ, въ бурятскія степи. Но тамъ они долго не удержались, потому что буряты отнеслись къ нимъ непріязненно и дѣлали на нихъ многократныя нападенія. Вследствіе этого, приблизительно 400 лѣтъ тому назадъ, весь народъ, подъ предводительствомъ Омогея, по другимъ Оконома, собрался въ верховьяхъ Лены, построилъ тамъ членоки изъ воловыхъ шкуръ и плоты для скота изъ деревьевъ береговыхъ лѣсовъ и поплылъ по теченію рѣки, пока не нашелъ хорошихъ пастбищъ около устья Олекмы. Здѣсь онъ остановился. Чрезъ нѣкоторое время къ Омогею присоединился нѣкто Эльей, по однимъ свѣдѣніямъ якутъ, находившійся въ плену у бурятъ и отъ нихъ бѣжавшій, по другимъ же—бурятскій старшина, пожелавшій присоединиться къ якутамъ. Эльей женился на дочери Омогея или Оконома, и отъ 12 его сыновей произошли главные роды якутовъ; такъ, напр., отъ его сына Хангаласа ведеть свое начало большое племя хангала или кангала, котораго жилища нынѣ простираются по обоимъ берегамъ Лены отъ Олекмы до Якутска. Одинъ изъ позднѣйшихъ старшинъ этого племени Тыхынъ или Тыгинъ построилъ укрѣпленный городокъ на горѣ Чебедаль на правомъ берегу Лены. Но пришли русскіе, крѣпость его разрушили и построили на ея мѣстѣ острогъ. Къ сожалѣнію въ здѣсь, какъ въ значительной части своихъ весьма интересныхъ «Историческихъ извѣстій», баронъ Майдель не указываетъ достаточно опредѣленно своихъ источниковъ, лишая этимъ, нерѣдко, свой замѣчательный трудъ полнаго научного значенія.

рассказъ варианть В. Л. Приклонскаго, по которому жену Оногой-бая звали Сара, а брата Улу-Хоро; единственнаго сына Оногоя именовали Барагай-батылы-кильтигай-тобукъ, и отъ него происходит улусъ баятатайскій; у Эрь-Эллея было шесть сыновей: старшій Лабынга-сюрюкъ былъ первымъ шаманомъ; отъ второго Хадать-хагаласъ происходятъ улусы кангаласскіе; отъ третьяго Джонъ-джагылы ведеть начало батурускій улусъ, отъ четвертаго Молотой-орхона происходитъ мегинскій улусъ, отъ пятаго Дели-дархана ведутся боргонскій и дюпсюнскій улусы, по именамъ двухъ его сыновей, Борогонъ-джарта и Сюрдахъ-дюпсюна; отъ шестого Хатанъ-хата-малая происходитъ намскій улусъ ¹⁾.

Основываясь на якутскихъ преданіяхъ, на тождествѣ имени саха съ сагай и на множествѣ этнографическихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ не только о южномъ, но и объ енисейскомъ происхожденіи якутовъ ²⁾, можно, вмѣстѣ съ Миллеромъ ³⁾ и большинствомъ писателей, касавшихся этого предмета ⁴⁾, считать весьма вѣроятнымъ, что якуты представляютъ собою часть

¹⁾ «Три года въ якутской области» въ «Живой старинѣ» 1890 г., вып. 2, стр. 27—30.

²⁾ Много фактовъ въ подтвержденіе южнаго происхожденія якутовъ собрано въ прекрасномъ труде В. Л. Сѣрошевскаго («Якуты», томъ I, глава 1 и другія мѣста этой книги). Къ приведеннымъ тамъ даннымъ второстепеннаго значенія можно прибавить между прочимъ енисейское происхожденіе единственнаго у якутовъ музыкального инструмента. По г. Сѣрошевскому (стр. 591), у якутовъ «нѣть никакихъ музикальныхъ инструментовъ, кроме хамысъ, прибора, состоящаго изъ желѣзной рамки съ пружиной по срединѣ, на которой играютъ пальцами, взявши рамку въ губы и варируя тоны помощью зубовъ и языка. Приборъ этотъ похожъ на малороссійскую друмлю... Именно такой инструментъ подъ названіемъ комесъ и теперь существуетъ у енисейскихъ тюрковъ, какъ видно изъ статьи г. Островскаго въ «Живой старинѣ» (вып. 3 и 4, 1895 г.) и помещеннаго имъ въ *Zeitschrift fr Ethnologie* (Berlin, 1895, VI Heft, s. 617) рисунка. Разница противъ рисунка г. Сѣрошевскаго (стр. 613) главнымъ образомъ только въ грубости отдѣлки качинскаго комеса, издѣлія урянхайцевъ.

³⁾ По его «Описанию сибирскаго царства» (второе изданіе, 1787 года, стр. 21 и 22), якуты «сказываютъ, что въ давнія времена предки ихъ съ муигалами и съ бурятами, которые имъ (нынѣ) по именамъ только знакомы, въ сосѣдствѣ жили, но прогнали отъ нихъ войною, такъ что они въ верху рѣки Лены съ своимъ скотомъ на плоты сѣли, и около Олекмы и Якуцкова поселились... Якуты называютъ самихъ себя соха, съ чѣмъ весьма изрядно сходствуетъ, что между татарами красноярскаго уѣзда имѣется еще небольшое поколѣніе, которое тѣмъ же именемъ называется».

⁴⁾ В. В. Радловъ въ *Aus Sibirien* (1884, B. I, s. 134) склоненъ былъ признавать якутовъ за гулиганей танскихъ временъ. Эти гулиганы, по «Исторіи династіи Танъ» («Собрание свѣдѣній» и пр., I, стр. 439 и 440), принадлежали къ числу гаогойскихъ поколѣній, имѣли 5 т. войска и кочевали «по сѣверную сторону Байкала», вѣроятно болѣе или менѣе смѣло съ дубо (урянхайцами), ибо князья обоихъ народцевъ прѣѣзжали вмѣстѣ къ китайскому двору въ 647 году; земли гулиганей «на сѣверъ простирались до моря». Такъ какъ въ орхонскихъ надписяхъ 732 и 734 г. г. упоминается народецъ Учъ-куриканъ, то надо думать, что это и есть гулиганъ китайскихъ извѣстій, хотя

туркского племени сагай, перешедшую с Енисея в бассейн Лены и получившую сильный приток в аборигенах этой страны тунгусахъ и въ съединихъ съ нею съ юга бурятахъ. Труднѣе и дальше отъ удовлетворительного разрѣшенія вопросъ о времени переселенія предковъ якутовъ на Лену¹⁾.

В. В. Радловъ, не выяснивъ основаній, помѣщаетъ курыкановъ въ число народовъ по тюркскихъ (*Die alttürkischen Inschriften*, 1895, с. 428). Въ «Исторіи династіи Юань», т. с. монгольской, описывается въ составѣ области кыргызовъ особый округъ Ангола, имѣвшийся такъ по рѣкѣ, въ немъ протекавшей, повидимому по рѣкѣ Ангара; языкъ жителей этого округа былъ «существенно» отличенъ отъ кыргызскаго, стало быть не тюркскій, хотя въ томъ же описаніи пояснено, что территорія Ангола была землю тѣхъ кули (гулиганей?), о которыхъ говорится въ «Тань-шу» (*Schott-Ueber die ächten Kirgisen*, Berlin, 1865, с. 8. 436, 454, 455). Если такимъ образомъ въ XIII вѣкѣ на югахъ гулиганей-курыкановъ оказался народъ не тюркскій, а тунгузскій или самоедскій, то не ушли ли они на Лену и не были ли тамъ предками якутовъ? Подобное предположеніе мало вѣроятно, потому что ни въ памяти якутовъ, ни въ именахъ ихъ родовъ не сохранилось именъ курыканъ или близкаго къ нему. Вѣроятнѣе, что существовавшій въ VII и VIII вѣкахъ подъ именемъ курыканъ союзъ гаогуйскихъ родовъ позднѣе, въ уйгурскую эпоху, передвинулся на югъ въ Монголію и тамъ, во время уйгуропъ или послѣ паденія ихъ царства, распался и вошелъ въ другіе союзы тюркскихъ родовъ.

²⁾ По ак. Бетлингу, напр., который полагалъ, что якуты «первые отдѣлились» отъ остальныхъ племенъ тюркскаго языка («О языке якутовъ», стр. 415), отдѣленіе якутовъ должно было совершиться во времена доисторической. По г. Шкловскому («Очерки природы и населенія крайняго сѣверо-востока Сибири» въ «Землевѣдѣніи», 1894 года, кн. III, стр. 70), не приводящему однако своихъ источниковъ и основаній, «якуты явились на среднемъ теченіи Лены въ XIII вѣкѣ, вытѣсненные съ юга Сурятами, которыхъ въ свою очередь вытѣснила изъ сѣвернаго Китая (?) монгольская орда ніуче (?)». Есть однако достовѣрныя извѣстія о переселеніи тюроковъ съ Енисея на юго-востокъ отъ Байкала въ концѣ XIII вѣка: именно въ «Юань-шу» упоминается ЧАО-ЧЖЕУ, укрепленное мѣсто въ богатой рыбой древней землѣ НАИНЪ, которое устроено при императорѣ Кубилай въ 1293 году; населеніе этого мѣста состояла переселенная сюда «орда кыргызовъ». Приводя изъ «Исторіи династіи Юань» эти извѣстія, Шоттъ поясняетъ, не указывая источника, что земля Наинъ находилась въ Тунгусіи (Манчжуріи?), въ западу отъ жилищъ такъ называемыхъ водяныхъ татаръ (*Über die ächten Kirgisen*, 1865, с. 464). Объ этомъ же переселеніи енисейскихъ тюроковъ упоминаетъ арх. Палладій: «Нѣкогда были въ Маньчжуріи осѣдлымъ колоніемъ тюркскихъ племенъ съ Енисея: изъ кэргизъ, уринхайцевъ и хакасы, которыхъ Хубилай перевѣль (въ 1293 г.) въ Абалаху (облавы) по близости къ Амуру» («Записки и. р. гегр. общества, по отдѣленію этнографіи», томъ 4, 1871 г., стр. 446). Не невозможно, что главная масса этихъ переселенныхъ въ концѣ XIII вѣка на юго-востокъ отъ Байкала енисейскихъ тюроковъ состояла не изъ кыргызовъ собственно, а изъ соплеменныхъ имъ и занимавшихъ часть кыргызской области сагайцевъ, и что во второй половинѣ XIV вѣка, послѣ изгнанія монгольской династіи изъ Китая, во время происходившихъ затѣй въ Монголіи неурядицъ, будучи обижаемы и тѣснимы отодвинутыми на сѣверъ монголами, енисейцы ЧАО-ЧЖЕУ ушли изъ верховьевъ Амура на Лену. Если это такъ, то получается ясная и понятная разгадка: почему якуты называютъ себя УРАНГАЙ-САХА, какъ свидѣтельствуетъ о томъ г. Сѣрошевскій, который не могъ однако добиться удовлетворительного объясненія (*Якуты*, I, стр. 203). Если якуты суть потомки переселенцевъ въ ЧАО-ЧЖЕУ, въ числѣ которыхъ были, по китайскимъ извѣстіямъ, уринхай, то по главнымъ племенамъ переселенцы должны были называться уринхай—сагай. Не лишне также иметь въ виду, что имена легендарныхъ

Достовѣрныи тутъ, кажется, можно полагать лишь то, что это переселеніе совершилось не позднѣе XIII и самое позднѣе XIV столѣтія, такъ какъ для образованія на Ленѣ довольно уже многочисленнаго народа, какимъ якуты найдены въ началѣ XVII вѣка русскими завоевателями Сибири, необходимо было конечно не менѣе двухъ—трехъ столѣтій, ибо численность первоначальныхъ переселенцевъ безъ сомнѣнія была не велика.

Изъ изслѣдований В. Л. Сѣрошевскаго («Якуты», т. I, глава X), собравшаго массу наблюдений, всесторонне сопоставленныхъ, можно заключить, что основы рода (ага-уса, отчій родъ) и родовыхъ союзовъ у якутовъ лежать въ кровномъ родствѣ и въ хозяйственно-политическихъ особенностяхъ быта скотоводческихъ обществъ, при данныхъ мѣстныхъ и этнографическихъ условіяхъ. Первоначально родъ состоялъ изъ такого количества близкихъ и дальнихъ родственниковъ, какое могло получать средства къ существованію отъ общаго табуна лошадей (до 500 головъ), при пособіи звѣроловства и рыболовства. По мѣрѣ того, какъ численность членовъ рода начинала превышать норму, происходило дробленіе его на части, образованіе новыхъ родовъ: первоначальный родъ обращался въ родовой союзъ. При дальнѣйшемъ размноженіи родовичей и распространеніи пастбищъ на все болѣе и болѣе отдаленные мѣстности совершалось раздробленіе первоначальныхъ родовыхъ союзовъ на второстепенные и т. д. Главные, первостепенные, родовые союзы назывались въ старину, до прихода русскихъ, бисъ-ага-уса или просто джонъ (народъ); низшими родовыми единицами были отчій родъ (ага-уса) и материнскій родъ (ie-уса), такъ какъ, при многоженствѣ, происходящемъ отъ одной матери и одного отца составляли болѣе близко-кровную группу, чѣмъ дѣти одного отца, но разныхъ матерей. Русскіе завоеватели называли найденные ими у якутовъ родовые союзы волостями и улусами. Впослѣдствіи главные родовые союзы получили именование улусовъ, второстепенные названы наслегами, за частями же послѣднихъ осталось название родовъ. Таковы по крайней мѣрѣ нынѣшнія административно-общественные дѣленія якутовъ¹⁾.

якутскихъ праотцевъ Оногоя и Эллея близки къ мѣстнымъ названіямъ въ верховьяхъ Амура: на истокахъ Малаго Агуза (бассейна р. Ингуды) есть «скалистая вершина, называемая Еллоо», на которой вьютъ свои гнѣзда коршуны—бородачи (по монгольски сллоо), а на р. Аргуни есть деревня Онохой (см. русскій переводъ «Землевѣдѣнія Азіи» Риттера, «Восточная Сибирь», вып. I, 1879 г., стр. 310, 340 и 361).

¹⁾ Каждый родомъ управляетъ родовой старшина, котораго якуты зовутъ малымъ княземъ, наслегомъ—родовое правление изъ наслежнаго старости (большой князь) и родовыхъ старшинъ, наконецъ улусомъ—управа изъ головы и шести членовъ. Важѣйшія дѣла решаются собраніями: въ родѣ—изъ всѣхъ плательщиковъ, въ наслегѣ—изъ родовыхъ старшинъ и болѣе влиятельныхъ родовичей, въ улусѣ—изъ всѣхъ князей совместно съ самыми богатыми и уважаемыми людьми улуса («Якуты», т. I, стр. 497 и 498).

Пока родовой быть еще держится у якутовъ, но корни его уже подорваны вслѣдствіе, главнымъ образомъ, измѣненій въ экономическихъ и отчасти духовныхъ основахъ жизни этого племени. Экономическая эволюція вызвана была размноженіемъ населенія и недостаточностью доставляемыхъ прежними формами хозяйства средствъ для его содержанія, состояла же она въ замѣнѣ въ скотоводствѣ лошадей рогатымъ скотомъ, и затѣмъ во введеніи и распространеніи хлѣбопашства.

Въ настоящее время существуетъ 18 якутскихъ улусовъ, 230 наслеговъ и 934 рода¹⁾. Имена улусовъ и наслеговъ приведены въ «Памятныхъ книжкахъ якутской области» (послѣдняя на 1896 годъ) и въ приложении къ труду г. Сѣрошевскаго «Якуты», имена же родовъ известны лишь немногія. При разсмотрѣніи улусныхъ именъ оказывается, что имена всѣхъ 10 улусовъ, которые образованы изъ земель, занятыхъ якутами уже большою частию послѣ появленія русскихъ на Ленѣ, происходятъ отъ топографическихъ именъ: верхне-вилойскій и средне-вилойскій, верхне-янскій и усть-янскій, колымскій, олекминскій, мархинскій—отъ рѣкъ Вилоя, Яны, Колымы, Олекмы, Мархи, на которыхъ они расположены; сунтарскій—отъ озера того же имени, жиганскій—отъ сопоставленного урочища (можетъ быть, впрочемъ, отъ тунгусского рода) и эльгетскій—вѣроятно отъ рѣчки Эльгя (притокъ Алдана), откуда, быть можетъ, пришли составившіе его роды. Изъ остальныхъ 8 улусовъ, занимающихъ мѣста, гдѣ якуты пайдены были при приходѣ русскихъ, только баягантайскій ведеть, кажется, свое название отъ рѣки Баяга, по которой лежать его земли, остальные же семь улусовъ получили свои имена повидимому отъ именъ вождей или начальниковъ древнихъ родовыхъ союзовъ или, что менѣе вѣроятно, отъ древнихъ родовъ: восточно-кангаласскій, западно-кангаласскій, намскій, мегинскій, борогонскій, батурускій и дюспинскій.

По завѣреніямъ мѣстныхъ изслѣдователей, наслеги получали обыкновенно свои названія отъ того изъ составляющихъ ихъ родовъ, который считался старшимъ по происхожденію²⁾. Поэтому и такъ какъ, во-первыхъ, трудно ожидать въ названіяхъ нынѣшнихъ родовъ,—все, по выше изложенному, позднѣйшаго и недавняго происхожденія,—сохраненія древнихъ родовыхъ именъ, и, во-вторыхъ, нетопографической названія улусовъ скорѣе происходятъ отъ именъ

¹⁾ «Якуты», I, стр. 496 и 497.

²⁾ Р. Маакъ «Вилойскій округъ якутской области», часть 3, Спб., 1887 года, стр. 39. По мнѣнію неизвѣстнаго автора статьи «Якутскій родъ» и пр. (въ «Памятной книжкѣ якутской области на 1896 годъ», стр. 44) наслеги, до введенія Устава о сибирскихъ инородцахъ 1822 года, назывались по именамъ князцовъ, теперь же каждому наслегу присвоено особое название по имени предка, отъ коего этотъ наслегъ вѣль свое происхожденіе.

вождей главныхъ родовыхъ союзовъ, образовавшихся подъ ихъ главенствомъ, надо думать, что остатки древнѣйшихъ родовыхъ именъ ближе найти въ именахъ наследовъ. При разсмотрѣніи послѣднихъ замѣчается, что нѣкоторые наследы носятъ одинаковыя имена, различаясь числительными первый, второй и т. д. Они образовались очевидно изъ большихъ родовъ или даже изъ родовыхъ союзовъ, не попавшихъ въ число нынѣшнихъ улусовъ. Таковы: 5 наследовъ джарханскихъ, въ двухъ улусахъ, раздѣляющіеся на 41 родъ, въ числѣ всего 11 т. душъ, 6 мальджегарскихъ — 9.240 д., 4 бардонскихъ, 4 хатылинскихъ, 4 жексогонскихъ, по 2 наследа мейтскихъ, нахарекихъ, удюгейскихъ, мельджахинскихъ и др. Конечно, большая часть наследныхъ именъ, какъ родовыхъ и улусныхъ, происходитъ отъ топографическихъ названій и отъ именъ родоначальниковъ; но есть между ними происходящія явно отъ племенныхъ и родовыхъ именъ народностей, составляющихъ примѣси къ тюркской основеъ. Таковы, напр., наследы хоринскіе въ улусахъ западно-кангаласскомъ, боргонскомъ, верхне-вилуйскомъ, сунтарскомъ, очевидно происходящіе отъ бурятскаго хоринскаго рода, обитающаго и нынѣ за Байкаломъ. Вѣроятно вѣкоторые имена наследовъ происходятъ отъ именъ тунгусскихъ родовъ, слившихся съ якутами. Указываютъ, кажется мнѣ, на тюрко-сіисейское происхожденіе якутовъ слѣдующія имена наследовъ: эргитскій (въ западно-кангаласкомъ улусѣ), такъ какъ имя это тождественно съ нынѣшнею костью иргитъ у сагайцевъ и урянхайцевъ; кулятскій (въ верхне-вилуйскомъ у.), ибо это имя одного происхожденія съ костью куль у урянхайцевъ и койбаловъ на Енисѣ; оюнь-усинскій (въ намскомъ у.) повидимому тождественъ съ костью оинъ у урянхайцевъ; кыргыдайскій, если не происходитъ отъ имени озера Кыргыдай, упоминаемаго у Маака, можетъ быть бурятско-якутскою формою имени кыргызъ; въ имени наследа хатынъ-аринскаго можно¹⁾ видѣть потомство отъ женщины изъ племени

¹⁾ Въ цитированной уже выше статьѣ неизвѣстнаго автора «Описаніе якутовъ, ихъ происхожденіе» и пр., помѣщенной въ 3 части «Сѣвернаго архива», за 1822 годъ, говорится, что «творца всѣхъ существъ» якуты именуютъ «Аръ-тоюнъ, милостивый господинъ; они почитаютъ его женатымъ и супругу его называютъ Кю-бей-хотунъ, т. е. свѣтайшею госпожею; вѣрять, будто бы она явилась ихъ предкамъ въ видѣ лебедя, а потому сюю птицу многие изъ нихъ не употребляютъ въ пищу» (стр. 211). Я уже упоминалъ, что Томашекъ, основываясь на послѣднемъ сказаніи, находить возможнымъ считать якутовъ потомствомъ или народомъ превратившагося въ лебедя сына праотца тюрковъ, по древней легендѣ VI вѣка о происхожденіи тюркскихъ племенъ. Я не думаю, чтобы существовали достаточныя основанія относить переселеніе якутовъ на Лену къ столь раннимъ временамъ, и полагаю, что обращеніе лебедя въ онгоны могло произойти у якутовъ и на Ленѣ, если не занесено было предками ихъ сіисейскими тюрками, которые могли заимствовать культу лебедя у кумандиццевъ.

ара, арийского, на Енисеѣ; чиркѣйской наслегъ (дюпсюнского улуса) напоминаетъ поколѣніе чирикъ у тяньшаньскихъ кара-киргизовъ. Алтайскій наслегъ въ мегинскомъ улусѣ вѣроятно есть та волость временъ Георгія, которая названа у него «алтайскою», «уповательно по прежнимъ ихъ мѣстамъ» ¹⁾.

По г. Сѣрошевскому, у якутовъ «каждый родъ и каждый второстепенный родовой союзъ имѣли свои знаки-значена или тамги, какъ ихъ называютъ воеводскія власти того времени, имѣли свои родовые кличи-раны (уранъ), свои военные пѣсни и прозвища. Эти клики, пѣсни, формы и названия значеній совершенно забыты якутами. Разъ только случилось, что колымскіе якуты кангаласскаго рода сказали мнѣ, что знакъ ихъ въ старину былъ беркутъ, барыласть. Названія многихъ родовъ и союзовъ, какъ лисица, сасыль, медвѣдь, эссе, Венера, чолбынъ, желудокъ, исъ, плѣшивый, тарагай, обжора, мангысъ, и т. под., указываютъ приблизительно, какія могли быть у нихъ значена. Среди нихъ чаще всего встрѣчаются лукъ, затѣмъ рогатый скотъ, лошади, рыбы». Въ числѣ части значеній, скопированныхъ г. Сѣрошевскимъ, въ качествѣ наиболѣе интересныхъ, съ рукоприкладствомъ якутовъ на модатной описи мегинской волости 1671 г., нѣть тамгъ, которыя были бы пригодны для тавренія скота; все изображенія животныхъ и предметовъ, состоящія изъ разнообразныхъ кривыхъ и сходныхъ съ подобнаго рода значеніями березовскихъ и другихъ инородцевъ, изданными г. Оглоблинымъ. В. Л. Сѣрошевскій замѣчаетъ: «среди этихъ знаковъ нѣзвѣстно, какие родовые, какие семейные или личные... Возможно, что тамги были привилегіей нѣкоторыхъ, что у многихъ изъ подписывающихся не было знаковъ, и они ихъ тутъ же были принуждены выдумать»... ²⁾. Въ изданномъ пока первомъ томѣ «Якутовъ» нѣть никакихъ свѣдѣній о мѣтахъ или таврахъ для скота у якутовъ; не встрѣчалось мнѣ такихъ свѣдѣній и въ другихъ источникахъ, но странно было бы, если бы у скотоводческаго доселѣ народа не существовало мѣтъ для скота. У Миддендорфа ³⁾ помѣщенъ любопытный рисунокъ якутскаго карди (календарь - пасхалия) изъ слоновой кости, въ которомъ дни означены зарубками, а праздники (православные) особыми каждый знаками. Значительная часть этихъ знаковъ тождественна съ родовыми тамгами киргизъ-казаковъ и другихъ тюркскихъ кочевниковъ. Такъ знакъ + служить тамгою у киреевъ, | у кипчаковъ

¹⁾ «Описаніе всѣхъ обитающихъ въ россійскомъ государствѣ народовъ», Сиб., 1799 г., часть 2, стр. 170.

²⁾ «Якуты», томъ I, стр. 469—471.

³⁾ «Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири», вып. 7, Сиб., 1878 г., стр. 762.

(только безъ точекъ); (у кара-киргизского письма султу; Н есть буква ѿ и у тюрко-орхонского алфавита, въ карди же этотъ знакъ означаетъ праздникъ Трехъ Святителей. Если эти и подобные знаки не употребляются у якутовъ въ качествѣ знаковъ собственности, то появление ихъ въ карди представляется совершенно загадочнымъ.

По свѣдѣніямъ Георги, относящимся ко второй четверти XVIII столѣтія, якуты платили съ 35.179 податныхъ душъ. По Кеппену, въ 1795 г. считалось якутовъ 50.066 душъ муж. пола. Въ 1838 году полагали ихъ численность до 86 т. душъ муж. пола ¹⁾). По губернаторскому отчету за 1885 г. населеніе якутской области состояло изъ 251.826 д. о. п., въ томъ числѣ якутовъ 219.866 д. ²⁾). По свѣдѣніямъ за 1891 годъ можно считать якутовъ въ якутской области и въ енисейской губерніи 221.776 д. обоего пола ³⁾), но есть еще якуты въ приамурскомъ генераль-губернаторствѣ и въ иркутской губерніи, о числѣ которыхъ свѣдѣній не имѣю ⁴⁾.

¹⁾ Н. Щукина «Поѣзда къ якутамъ», 1844 г., стр. 171. Нѣсколько иныхъ цифры собраны за разныe года Беромъ въ *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches*, B. 7, St.-Petersburg, 1845, s.s. 89—95; между промѣжкомъ по ревизіи 1783 г. считалось якутовъ муж. пола 42.956 душъ и женскаго 41.607, всего 84.563 д. о. п.

²⁾ М. С. Вруцевича «Обитатели, культура и жизнь въ якутской области» въ «Запискахъ и. р. геогр. общества, по отд. этнографіи», томъ 17, вып. 2, 1891 года, стр. 3, 4, 29.

³⁾ За 1891 годъ имѣется о числѣ якутовъ въ якутской области нѣсколько печатныхъ цифръ, все по официальнымъ источниковъ. Такъ у г. Іохельсона («Замѣтки о населеніи якутской области» и пр. въ «Живой старинѣ», 1895 г., вып. 2, стр. 133) якутовъ въ области показано 229.561 д. о. п., какъ и въ его же статьѣ того же содержания въ «Памятной книжкѣ якутской области на 1896 годъ». Но по помѣщенному въ той же «Памятной книжкѣ» списку населенныхъ мѣстъ оказывается (стр. XXII), что 229.564 д. о. п. есть цифра не однихъ якутовъ, а всѣхъ инородцевъ; за вычетомъ не якутовъ, въ числѣ 10.566 д. (въ томъ числѣ 8.877 д. тунгузовъ), какъ видно изъ того же списка, якутовъ должно бы оказаться 218.998 д., но при сложеніи поуѣздныхъ итоговъ того же списка получается якутовъ только 213.456 д. Недоумѣнія увеличиваются еще темъ, что на стр. II цифра всѣхъ инородцевъ области опредѣлена въ 224.022 д., а все населеніе области показано въ 245.368 д., тогда какъ по подведеніи итога поуѣздныхъ цифръ на стр. I другой статьѣ той же «Памятной книжки» получается цифра всего населенія области въ 268.155 д. Я остановился на цифре г. Сѣрошевскаго («Якуты», т. I, стр. 211), такъ какъ она основана на официальныхъ же данныхъ и болѣе соответствуетъ цифрамъ предшествующихъ лѣтъ.

⁴⁾ Вамбери, по какимъ-то недоразумѣніямъ, считаетъ якутовъ только около 80.000 душъ обоего пола (*Das Turkenvolk etc.*, 1885, s. 165, и *The Turco-Tatars* въ *The Journal of the Manchester Geographical Society*, 1892, vol. 8, N-os 1—3, p. 5). У Ятранцева («Сибирские инородцы», Сиб., 1891 г.) якутовъ показано 239.120 д. Въ изданіи канцеляріи комитета министровъ «Наканунѣ всеобщей переписи. Алфавитный списокъ народовъ, обитающихъ въ Российской имперіи», Сиб., 1895 г., численность якутовъ въ якутской и приморской областяхъ и въ иркутской и енисейской губерніяхъ, по свѣдѣніямъ за 1893 г., означена въ 230.433 д., но я не пользуюсь этой цифрой, въ виду возможности включения въ ся составъ одной изъ сомнительныхъ цифръ по якутской области, которая приведены выше по «Памятной книжкѣ» на 1896 годъ.

2) Южно-сибирская тюркская племена.

Историческая и лингвистическая данная и родовая имена, въ настоящее время, согласно выясняютъ, что занимающія нынѣ Алтай съ его сѣверными скатами и хребты Саянскій и Танну-ола съ ихъ сѣверными и южными склонами народности тюркского языка суть тюроки и отуреченные самоѣды и енисейцы (т. е. «пѣгій народъ», потомки динлиновъ). Гдѣ бы ни находилась прародина тюрокъ, но въ исторической времена пригодны для кочевниковъ-скотоводовъ долины въ бассейнахъ Чарыша, Катуни, Чуи и Телецкаго озера, вообще внутренній или собственно Алтай, всегда были заняты тюроками. Именно отсюда тюроки выходили въ Монголію, а равно распространялись на сѣверъ Алтая и на востокъ, въ бассейнъ верхняго Енисея, на обѣ стороны Саянского хребта, въ земли, первоначально занимавшіяся самоѣдами и енисейцами, постепенно ихъ отуречивая. Это отуреченіе, происходившее путемъ подчиненія енисейскихъ и самоѣдскихъ народцевъ для взиманія дани и путемъ помѣсей съ ними, производилось въ бассейнѣ верхней Оби тюроками Алтая, въ бассейнѣ же Енисея выселившимися на Абаканъ въ глубокой древности тюроками, составившими въ смѣси съ динлинами племя кыргызовъ. Не вдаваясь въ изложеніе предшествующей истории кыргызовъ и алтайцевъ, упомянемъ, что въ началѣ XVII вѣка на властованіе надъ алтайцами и кыргызами и ихъ данниками заявляли притязанія русскіе завоеватели Сибири изъ Томска, основанного въ 1604 году, монгольскіе алтын-ханы, владѣвшіе бассейнами Улугъ-Кема и Кемчика и озера Убса-нора, и калмыки. И алтайцы, и кыргызы подчинились послѣднимъ, ведя борьбу съ русскими, отнимавшими у нихъ данниковъ, въ средѣ которыхъ были построены города Кузнецкъ и Красноярскъ. Осенью 1703 г.¹⁾, во избѣженіе столкновеній съ Россіею, цзунгары увили кыргызовъ въ свои земли, алтайцы же оставались въ калмыцкомъ подданствѣ, составляя цзунгарскій отокъ теленгетъ въ 4 т. кибитокъ²⁾, до 1756 г.; только съ этого времени, спасаясь отъ монгольскихъ и китайскихъ войскъ, преслѣдовавшихъ ихъ, какъ приверженцевъ цзунгаровъ, алтайцы окончательно приняли русское подданство, и лишь часть ихъ на самомъ югѣ оставалась до 1869 г. въ двоеданствѣ, платя подать и китайцамъ.

a) Алтайцы и телеуты.

Кочующіе нынѣ въ бассейнахъ верхняго Чарыша, Катуни и Телецкаго озера алтайскіе тюроки у русскихъ зовутся алтайскими горными или бѣ-

¹⁾ «Памятники сибирской истории XVII вѣка», книга I, Сиб., 1882 г., стр. 232.

²⁾ Іакинф «Историческое обозрѣніе ойратовъ», Сиб., 1834 г.

льми калмыками и просто калмыками, сами же называют они себя изрѣдка ойратами (все въ ту же память былой подвластности обратамъ или калмыкамъ), обыкновенно же именуютъ себя алтай-киши (алтайскіе люди) или по рѣкамъ чу-киши и т. д.; живущіе на Башкаусѣ зовутъ себя уланъ, а на Чулышманѣ—телесь. Роды или кости ихъ слѣдующія: найманъ, миркитъ, кынчакъ, канъ, кергитъ, ыргытъ, мундусъ, ара, тотошъ, чапты, тоиншонъ, алматъ, кебекъ, көдъб, танду, пайлагасъ, йыттасъ, котты, сакалъ, телесь, йыдакъ, кыргызъ, сойонъ, монголь, сартъ. Языкъ алтайцевъ «есть чистое тюркское нарѣчіе съ печатью глубокой древности»; вслѣдствіе долгой подвластности и сосѣдства съ калмыками въ немъ много монгольскихъ словъ, совершенно, однако, переработанныхъ на тюркскій ладъ.

Къ алтайцамъ стоять близко по языку телеуты, называющіе себя теленгетами и кара-калмыками, вѣроятно вслѣдствіе продолжительного подданства ойратамъ¹⁾). Въ XVII вѣкѣ телеуты, должно быть, стояли во главѣ всѣхъ алтайскихъ племенъ, ибо только съ ними и ихъ князьями вели сношенія и имѣли столкновенія томскіе и кузнецкіе воеводы. Исключеніе составляли телесы и ихъ князья, которые, послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ русскими, во второй половинѣ XVII вѣка, кажется, оставляли на время свои земли, уйдя на югъ или на юго-востокъ, къ урянхайцамъ. Съ поступленіемъ около этого времени въ подданство ойратовъ, имя телеутовъ у алтайцевъ повидимому исчезаетъ, ибо они носятъ у калмыковъ название теленгетовъ или теленгутовъ. Появляется оно снова въ XVIII вѣкѣ, когда таулелеутами называется та небольшая часть алтайцевъ, которая обитала на р. р. Семи и Наймѣ, притокахъ Катуни, и кромѣ дани цзунгарскому хану платила ясакъ и русскимъ²⁾). Во время путешествій по Алтаю В. В. Радлова, въ шестидесятыхъ годахъ, племя телеутовъ, вообще сильно обруссѣвшее, обитало въ числѣ 2.991 д. въ кузнецкомъ округѣ (на р. Бачатѣ) и въ числѣ 2.791 д. въ бійскомъ округѣ въ селеніяхъ алтайской духовной миссіи на р. Наймѣ и другихъ, бассейна Катуни, но послѣдніе не были большою частію местными жителями, а переселились сюда изъ кузнецкой степи послѣ учрежденія миссіи (1828 г.)³⁾. За неимѣніемъ свѣдѣній о томъ, какъ и когда попали телеуты въ кузнецкій округъ, можно, на основаніи приводимаго В. В. Радловымъ телеутского преданія⁴⁾, полагать, что переселился туда изъ Алтая въ XVII вѣкѣ одинъ

¹⁾ Radloff. Aus Sibirien, I, s.s. 215, 216, 257, 258. Того же автора Ethnographische Uebersicht der Turkstämme Sibiriens und der Mongolei, Leipzig, 1883, s.s. 12, 13.

²⁾ Г. Н. Потанинъ, по опискимъ архивнымъ свѣдѣніямъ, въ Дополненіяхъ къ русскому переводу Азіи Раттера, томъ 4, Сиб., 1877 г., стр. 368.

³⁾ Тамъ же, стр. 389 и 360. Aus Sibirien, I, s. 216.

⁴⁾ Aus Sibirien, I, ss. 177, 178.

изъ телеутскихъ князей, искавшій защиты у русскихъ отъ калмыковъ; съ измъ ушла большая часть племени, меньшая же осталась на Наймѣ, гдѣ и дождалась учрежденія миссіи и переселенія части телеутовъ изъ кузнецкаго округа обратно на Катунь. Кости у телеутовъ слѣдующія: торо, очу, маркитъ, ак-туматъ, кара-туматъ, чороѣтъ, кыпчакъ, сартъ, найманъ, телесь, торгуль, мундуль, кочкоръ-мундуль, тотошъ, пуруть, чалманъ. У живущаго съмѣшило съ телеутами народа ачъ-кештимъ, который значится въ данной выше цифре телеутовъ кузнецкаго округа, слѣдующія кости: йоты, тѣртъ-асъ (четыре горностая), чингизъ, анъ¹⁾.

При сличеніи ачъ-кештимскихъ костей съ алтайскими и телеутскими становится яснымъ, что въ числѣ первыхъ нѣть древнихъ тюркскихъ костей и что вообще имена первыхъ не имѣютъ съ послѣдними ничего общаго. Отсюда слѣдуетъ заключить, что народецъ ачъ-кештимъ, какъ и окружающія его племена кузнецкаго округа, долженъ состоять изъ отуреченныхъ самоѣдовъ и енисейцевъ. Отуреченіе его совершилось значительно ранѣе XVII вѣка, какъ видно изъ того, что народецъ ачъ упоминается въ надписяхъ тюркского письма близъ деревни Чирковой и на Кара-Юсѣ, а въ надписи на Элегечѣ значится племя ачъ-белигъ. Народецъ кештимъ фигурируетъ въ надписи на Кая-бashi²⁾; онъ же въ формѣ кесыдіинъ и кешидими поминается въ числѣ племенъ, покоренныхъ монголами при Чингизъ-ханѣ, одновременно съ кыргызами, тоелѣсы (телесь) и телянъ (теденгутъ)³⁾. Въ актахъ XVII вѣка отуреченные енисейскіе и самоѣдскіе народы, данники кыргызовъ, постоянно именовались кыштымами, такъ что это имя обратилось уже въ нарицательное: такъ, напр., въ 1642 году кыргызскіе князья отказались выдать кузнецкимъ служилымъ людямъ, посланнымъ за бѣжавшими съ Мрассы и Кондомы ясашными людьми, требуемыхъ бѣгледовъ, на томъ основаніи, что люди эти «кыштымы ихъ киргизскіе, а пришли де къ намъ кормиться»⁴⁾.

¹⁾ Aus Sibirien, I, 216, Ethnographische Uebersicht etc., s. 14. По словамъ мисс Вербицкаго: «происхожденіе сеок'овъ (костей у сѣверныхъ тюрковъ) различно. Одни имѣютъ родопачальниками людей, другіе происходить отъ горъ,... иные—отъ пней деревесныхъ, напр. тастар (плѣшивые) и пр.» («Алтайскіе инородцы. Сборникъ этнографическихъ статей и изслѣдований алтайскаго миссіонера протоіерея В. П. Вербицкаго», Москва, 1893 г., стр. 9). Просматривая у Вербицкаго имена животныхъ по алтайски, я замѣтилъ, что изъ именъ этихъ встречаются въ именахъ костей и родовъ слѣдующихъ: горностай (ас), бурундукъ (куорюк), хорекъ (кузен), ворона (карга), лебедь (куу), пчела (ары). Конечно, это результатъ почитанія духовъ предковъ, носившихъ имена животныхъ.

²⁾ Radloff—Die altturkischen Inschriften der Mongolei, St.-Petersburg, 1895, s. 428.

³⁾ «Труды росс. духовной миссіи въ Пекинѣ» томъ 4, стр. 235, п. «Восточный сборникъ», томъ I, 1877 г., стр. 191.

⁴⁾ «Историческіе акты XVII столѣтія», изданные Иннок. Кузнецовымъ, Томскъ, 1890 года, стр. 8.

Въ многочисленныхъ костяхъ алтайцевъ и телесутовъ много общагъ, а потому надо признать, что телеуты и теленгуты или теленгиты, какъ зовутъ себя чуйцы, одинъ и тотъ же народъ, тѣмъ болѣе, что истинное имя этого народа очевидно есть теле, а приставки монгольского множественного числа утъ или гутъ приданы къ имени теле лишь во время владычества надъ алтайцами западныхъ монголовъ. Имя теде, какъ знаемъ мы изъ древнихъ китайскихъ свѣдѣній, носили племена гаогуицъ, а потому нужно полагать, что теде, въ качествѣ общаго имени для населяющихъ собственный Алтай тюрскихъ родовъ, явилось вслѣдствіе численного или иного преобладанія гаогуицкихъ родовъ надъ остальными. Въ наличныхъ костяхъ иѣть исторически известныхъ, какъ именно гаогуицкія племенные или родовые имена. Остается предположить, что къ гаогуицамъ или теде принадлежали кости мундуль и тотошъ. На значеніе этихъ костей указываетъ то, что ко второй призадлежать два зайсана (наследственные старшины или князья, правящіе алтайскими дючинами или волостями), а къ первой одинъ. Остальные известные четыре зайсана происходятъ изъ костей кыпчакъ, ыргыть, найманъ и телесь.¹⁾ О кости мундуль можно замѣтить еще, что она очень древня, ибо встрѣчается въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ кара-киргизовъ, въ составѣ которыхъ вошла конечно до Р. X., когда кара-киргизы находились еще между Саянскимъ хребтомъ и Тянъшанемъ. Телесь есть имя особаго отъ теде, потому что съ монгольскими окончаніями изъ него вышло бы телесутъ и телесгутъ, а не телеутъ и теленгутъ. Надо полагать, что это остатокъ турковъ-тукю, у которыхъ, какъ видно изъ надписей на памятникахъ Кюльтегину и Могиллянъ-хану на Орхонѣ, существовало два главныхъ рода или племени телесь и тардушъ, правители которыхъ, всегда изъ ближайшихъ родственниковъ хана, назывались для первого ябгу (шеху у китайцевъ по чтенію о. Гакинфа и др.) и у второго шадъ. Отъ тардушей, занимавшихъ земли на западѣ турецкихъ владѣній, нынѣ иѣть слѣдовъ, отъ телесовъ же,— считавшихся восточными, въ качествѣ старшаго рода, если не по положенію земель,—оказываются остатки въ Алтаѣ, отечествѣ турковъ-тукю. Подобнымъ образомъ можно считать остатками одноименныхъ большихъ тюрскихъ племенъ кости найманъ (отъ р. Найма, притока Катуни), канъ (канглы, отъ р. Кана, притока Чарыша) и кыпчакъ. Невѣроятно, чтобы изъ нихъ кыпчакъ и канглы были въ Алтаѣ неaborигенами, а случайными пришельцами изъ отдаленной Сырь-дары и изъ-за Балхаша. Зато представляются случайно нашедшимися въ Алтаѣ убѣжище такія частицы народовъ и племенъ, обитавшими въ Алтаѣ

¹⁾ Aus Sibirien, I, s.s. 251, 252.

шихъ въ разное время вблизи Алтая, какъ кости меркить, кыргызъ, сойонъ (уряихайцы), чорось, монголь. Нахожденіе костей сартъ и пурутъ (калмыки имевовали тяньшанскихъ кыргызовъ бурутами) можно объяснить тѣмъ, что сарты и буруты были приведены калмыками въ ихъ при-алтайскія земли въ качествѣ плѣнныхъ и затѣмъ нашли убѣжище у алтайцевъ. Вѣроятно, также бѣгледами явились въ Алтай частицы отуреченныхъ енисейцевъ изъ племени ариновъ (кость ара), котовъ (коты) и проч. Чорось есть главный цунгарскій родъ, къ которому принадлежали блѣты и дюрбеты. Ыргытъ В. В. Радловъ считаетъ кыргызскимъ родомъ¹⁾.

По переписи 1763 года считалось въ пяти алтайскихъ дючинахъ 475 душъ муж. пола; въ 1804 г. алтайцевъ числилось 1.204 души муж. пола²⁾, вѣроятно безъ двоеданцевъ. По свѣдѣніямъ шестидесятыхъ годовъ, В. В. Радловъ полагалъ у алтайцевъ 14—15 т. душъ обоего пола. По Ядринцеву (1880 г.) численность ихъ равнялась 17.014 д. о. п.³⁾ Позднѣйшихъ свѣдѣній нѣтъ⁴⁾.

Общее число алтайцевъ (17.014 д.) и телеутовъ (5.782) будетъ по устарѣлымъ, особенно относительно телеутовъ, свѣдѣніямъ, 22.796 д. о. п.

¹⁾ Aus Sibirien, I, s. 217.

²⁾ Дополненія къ р. переводу Азіи Риттера, томъ 4, 1877 г., стр. 381.

³⁾ «Записки западно-спб. отдѣла геогр. о.», кн. 4, 1832, стр. 45. «Сиб. инор.», 1891 г.

⁴⁾ Въ «Статистикѣ р. имперіи», XXIX, «Волости и населенные мѣста 1893 года», вып. 10, «Томская губернія», Спб., 1894 года, приведено число душъ только въ первой дючинѣ (3.906 д.), между тѣмъ дючинѣ всего девять.

Въ «Алфавитномъ спискѣ», изд. канцеляріею комитета министровъ, 1895 г., алтайцы и телеуты значатся подъ именемъ теленгутовъ, народа «монгольского племени, значительно отатарившагося», съ численностью въ 18.470 д. по свѣдѣніямъ 1859 г., и они же вѣроятно фигурируютъ подъ именемъ калмыковъ бійского округа въ цифре 200 т. калмыковъ, ибо никакихъ калмыковъ кроме «блѣлыхъ» въ бійскомъ округѣ нѣть. Вообще старинное именование тюрковъ-алтайцевъ «блѣлыми калмыками» для отличія отъ истинныхъ калмыковъ служитъ камнемъ преткновенія для нашей офиціальной статистики. Такъ и въ «Статистикѣ Российской имперіи» («Волости и населенные мѣста 1893 года. Томская губернія», стр. 70) алтайцы и телеуты зачислены въ монголы.

Въ сообщеніи о поѣздкѣ къ теленгутамъ въ 1896 г., сдѣланномъ г. Калачовымъ въ отдѣленіи этнографіи и. р. географического общества, дана была цифра теленгутовъ въ 35 т. д. о. п., но надо полагать, что эта цифра, во всякомъ случаѣ не точная, а приблизительная, относится на самомъ дѣлѣ ко всѣмъ инородцамъ южной части Томской губерніи, въ районѣ дѣятельности алтайской духовной миссіи, гдѣ г. Калачовъ повидимому получила приведенную цифру. Численность чуйцевъ, т. е. алтайцевъ, кочующихъ на р. Чуй, называющихъ себя теленгитами (Aus Sibirien, I, s. 215) или теленгутами и составляющихъ двѣ дючины или волости, которыхъ только и были посѣщаемы г. Калачовымъ, не можетъ превышать 5—6 т. д. о. п., если даже взять двойную или тройную цифру противъ приблизительно данной г. Радловымъ тридцать эдѣ тому назадъ (2—3 т. душъ для всѣхъ двоеданцевъ).

б) Отуреченные енисейцы и само́ды бассейна верхней Оби.

Къ этой группѣ, состоящей изъ енисейцевъ (динлиновъ) и само́довъ, отуреченныхъ вѣроятно алтайскими тюрками непосредственно, ибо ихъ диалекты близки къ нарѣчію алтайцевъ, относятся:

1) Кумандинцы, обитающіе въ бассейнѣ Бія и дѣлящіеся на верхнихъ (роды со и кубанды или куманды) и нижнихъ (роды тастанъ¹⁾, юты, чабрашъ и тонъ-кубанды²⁾). Первыхъ (1893 г.) считается 1.023 д. и вторыхъ 2.557 д., всего 3.580 душъ обоего пола³⁾.

2) Лебединцы, языкъ которыхъ не отличается отъ кумандинского, на р. Лебеди (Ку по тюркски), изъ двухъ родовъ: якши и чалманъ. Считалось лебединцевъ въ 1858 г. (шелкальская волость) 514 д. о. п.⁴⁾.

3) Черневые татары⁵⁾ (йышъ-киши), — которыхъ алтайцы зовутъ туба, почему В. В. Радловъ признаетъ ихъ отуреченными само́дами, — обитаютъ между Телецкимъ озеромъ и Катунью; языкъ ихъ близокъ къ алтайскому, но особенности его указываютъ, что отуреченіе само́довъ произведено было кыргызами, а это приводить В. В. Радлова къ мысли, что пришли они въ нынѣ занимаемыя мѣста въ началѣ прошлаго столѣтія уже отуреченными. Ихъ пять племенъ: кюзенъ (роды кюзенъ и чедибешъ), тиргешъ (роды тогусъ, йобуръ, чыгалъ), кѣмнёшъ, (роды кѣмнёшъ, яланъ, тонъ, чыгалъ и паланъ), юсь (роды юсь и шоръ) и торгулъ, всего, въ шестидесятыхъ годахъ, въ числѣ 3.464 д. о. п.

4) Шоръ⁶⁾ живутъ въ покрытыхъ лѣсами горахъ между Телецкимъ озеромъ и вершинами р. Томи, на р. р. Томи, Мрассѣ, Пызасѣ, Кобурѣ и Кондомѣ. В. В. Радловъ считаетъ шоровъ потомками татаръ-кузнечевъ XVII вѣка, которыхъ, по словамъ Фишера, «называли кузнецами потому, что они

¹⁾ Въ числѣ покоренныхъ монголами при Чингизъ-ханѣ енисейскихъ и алтайскихъ народцевъ упоминается тасы («Труды» нек. дух. миссіи, т. 4, стр. 235).

²⁾ Aus Sibirien, I, s. 215, 216.

³⁾ «Томская губернія», 1894 г.

⁴⁾ Упомянутая «Дополненія», 1877 г., стр. 438.

⁵⁾ Йишъ (у русскихъ чернь), есть лѣсъ, состоящій изъ пихтъ и кедровъ, горы же, покрыты лѣсомъ изъ лиственницъ, отличающихся рѣдкимъ насажденіемъ, туземцы называютъ тага или тайга.

⁶⁾ Ими это можетъ происходить отъ р. Шоръ, лѣваго притока р. Томи въ ея верховьяхъ; упоминается напр. въ «Исторіи и. р. геогр. общества», С.-Петербургъ, 1896 года, стр. 667. Такъ какъ многія кости (напр. кый, кобыръ, кывай на р.р. Кый-асе, Кобыр-су, Кыз-асе, по А. В. Адріанову, въ «Извѣстіяхъ и. р. геогр. общества», 1883 г.) носятъ имена рѣкъ, на которыхъ обитаютъ, то имена многихъ отуреченныхъ родовъ и костей происходятъ, подобно именамъ тюркскихъ племенъ и родовъ, отъ названий рѣкъ и урочищъ.

изъ рудъ плавили желѣзо и дѣлали изъ него разныя вещи на свою потребу... Они тогда жили въ природной своей вольности, кромѣ того, что наѣзжали къ нимъ киргизы, отъ которыхъ должны были откупаться подарками своей работы¹⁾. В. В. Радловъ полагаетъ, что шоры суть отуреченные кыргызами енисейцы, такъ какъ языкъ ихъ близокъ къ сагайскому. Роды у нихъ слѣдующіе: кызай (кызыль-кая), таяшъ, кый, кара-шоръ, сарыгъ-шоръ, карга, чедебесь, конгы, койы, челей, себѣ, тарткынъ, уста, кобый, аба, тагапъ, керепъ, барь-соять, шалкалъ, чарагашъ, бешъ-боякъ. Первые семь родовъ имѣются и у сагайцевъ. Численность шоровъ, раздѣленныхъ административно на 22 волости, опредѣлялась въ 1869 г. въ 10. 688 д. о. п.

5) Къ этой же группѣ надо отнести обитающихъ на сѣверныхъ отрогахъ Кузнецкаго Алатага, къ западу отъ Томи, смѣшанныхъ съ телеутами, потомковъ «кузнецовыхъ», которые по нарѣчію отчасти близки къ шoramъ, отчасти къ телеутамъ. Въ шести волостяхъ ихъ считалось 3.298 д. о. п., слѣдующихъ родовъ: ачъ-кештимъ, баянъ, торгуль, кѣмбашъ, камларь, ачинъ и шю²⁾.

6) Сюда же наконецъ относятся чулымскіе татары, которые живутъ сѣвернѣе Маріинска (родъ кечикъ), къ югу отъ этого города (родъ кюерикъ) и отъ нижней Кіи до р. Чердатъ (собственно чулымскіе татары). По языку они происходятъ отъ барабинскихъ и иртышскихъ татаръ и телеутовъ, смѣшавшихся съ енисейцами. Ихъ, считая говорящихъ еще по тюркски, едва наберется до 500 д.³⁾.

Въ общей сложности во всей этой группѣ тюрокъ бассейна верхней Оби составится 21.844 д. о. п.

в) Енисейскія тюркскія племена.

Малосиѣжный и удобный для кочеваго скотоводства степи между Абаканомъ и Чулымомъ на лѣвой сторонѣ Енисея были издревле занимаемы кыргызами, кругомъ же были расположены отуречиваемы ими племена енисейцевъ (динлиновъ) и самоѣдовъ, изъ которыхъ послѣдніе держались преимущественно въ лѣсистыхъ горахъ, пригодныхъ для звѣроловства и оленеводства. Въ началѣ XVIII вѣка, когда кыргызы ушли окончательно на

¹⁾ «Сибирская исторія», Спб., 1774 г., стр. 213 и 214.

²⁾ Aus Sibirien, I, s.s. 212—215.

³⁾ Тамъ же, с. 211.

югъ за Саянскій хребеть, земли ихъ были заняты окрестными племенами¹⁾, обратившимися на нихъ къ скотоводству. Въ настоящее время племена эти слѣдующія:

1) Кызылы, занимающіе юсскую степь, т. е. земли по Бѣлому и Чёрному Юкамъ до р. Кіи и Божьяго озера. Они состоятъ изъ десяти родовъ: кызыль, большой и малый ачинъ (отъ него имя города Ачинска), акы, басса-гаръ, камларъ, аргынъ, калмакъ (вѣроятно это имя носятъ присоединившіяся къ кызыламъ телеуты, бывшіе калмыцкіе подданные), курчукъ и шю. Кызылы состоятъ очевидно изъ разныхъ элементовъ: кыргызовъ, телеутовъ, енисейцевъ (шю). Языкъ ихъ близокъ къ качинскому²⁾. По свѣдѣніямъ 1859 г., ихъ было всего 5.176 д. о. п.³⁾.

2) Качинскіе татары жили въ XVII вѣкѣ на р. Качѣ (ея коренное туземное имя, по Фишеру, Изиръ). Во время основанія Красноярска (1628 г.), въ близкой къ нему «качинской землицѣ» обитали «люди кочевые; лѣтомъ пашню пашутъ, сѣютъ ячмень да курлакъ (керзыкъ, сибирское просо), а зимою кочуютъ въ крѣпкихъ мѣстахъ и оберегаются отъ калмыцкихъ людей и отъ братскихъ (бурятовъ), потому что де тѣ качинскіе люди въ енисейской острогѣ государевъ ясакъ даютъ, а бѣлые калмыки, и киргизы, и братскіе люди съ тѣхъ качинцевъ на себя ясакъ емлютъ же, прѣѣжая къ нимъ въ землицу, сильно»,⁴⁾ (т. е. насильственно). По удаленіи кыргызовъ съ Енисея, часть качинцевъ перешла на ихъ земли и дала присоединившимся къ ней въ сѣверо-восточной части киргизскихъ степей другимъ родамъ, составившимъ потомъ одну административную единицу, свое имя. Подвѣдомственные качинской степной управѣ, на устьѣ Абакана, роды, по В. В. Радлову, суть слѣдующіе: касть (кашъ, качъ), ара (аривы), тинъ (по Кастрену тоже енисейского происхожденія), тжастыгъ (tjastyg, тоже), тжарымъ (tjagum), тжыльтагъ (tjyltag), сукарь и туба. Послѣдовѣ чѣтыре рода, по Кастрену, самойдскаго происхожденія⁵⁾. Въ 1892 году качинскихъ татаръ считалось 11.363 д. о. п.⁶⁾.

¹⁾ «Въ прошломъ... и въ нынѣшнемъ 720 году... уѣхали изъ Красноярска, безъ отпуску, подгородные коченскіе (качинцы), и аренскіе (ара, аривы), и ястынскіе (это вынь качинскій койбальскій родъ тжастыгъ или даастыгъ, который кн. Коетровъ,—см. Дополненія къ Риттеровѣ Азии, т. 4, стр. 572,—называетъ астынъ) служилые и ясашные татары, съ своихъ урочищъ, съ женами и съ дѣтьми, и со скотомъ, вверхъ Енисея рѣки, и живутъ въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ прежде сего жили киргизы» («Памятники сибирской литературы XVIII вѣка», книга I, 1882 года, стр. 282).

²⁾ Aus Sibirien, I, 210, 211.

³⁾ Дополненія къ Азии Риттера, т. 4, Спб., 1877 г., стр. 551—555.

⁴⁾ «Собрание государств. грамотъ и договоровъ», часть 3, стр. 311.

⁵⁾ Aus Sibirien, I, с. 207.

⁶⁾ «Письма Н. Ф. Катаанова въ «Запискахъ и. Академіи наукъ», томъ 73, книжка 2, 1894 года, стр. 111.

3) Сагайские татары въ XVII вѣкѣ обитали на западѣ отъ кыргызовъ, около верховьевъ Юса и Абакана¹⁾, по уходѣ же кыргызовъ перешли въ юго-западную часть ихъ степей, ставъ во главѣ прибывшихъ сюда же другихъ родовъ, подвѣдомственныхъ нынѣ аскызской степной думѣ, на р. Аскызѣ. Поколѣнія или роды сагайскихъ татаръ слѣдующія: сагай (кости сагай, туранъ, сарыгъ, иргитъ, эчигъ, кый, аба, tjoda, кыргызъ, джетти - шорю, юсъ-сагай, томъ-сагай), шоръ, бельтиръ (кости су какмына, такъ-какмына, акъ-чыстаръ, кара-чыстаръ, сарыгъ, табанъ-бельтиръ), таясь (tajas, кости чедебесъ, калларъ и таясь), карга (кости сибиджинъ, саниъ, туранъ и карга), кызай или кызыль-кая (kysai, kysyl-kaja), томъ, кый, кобый и койбалъ; въ послѣднемъ кости: байгадо, канъ, тораджакъ (toratjak), тжода (tjoda), мадыръ, коль, ынгара, бегеджи (bögödji), артжы (artju), койюкъ, ирге, кайдынъ. Не останавливаясь на значеніи приведенныхъ костей, которое понятно изъ предшествующаго, замѣтимъ, что изъ койбальскихъ костей Кастренъ байгадо и кайдынъ признавалъ имѣющими енисейско-остяцкое происхожденіе, а кости мадыръ, бегеджи и ирге—самоѣдское, ибо въ 1847 году иѣкоторыя лица изъ этихъ костей помнили еще нѣсколько словъ изъ своего прежняго енисейского или самоѣдского языковъ. Сагайские татары говорять теперь общимъ тюркскимъ нарѣчіемъ, близкимъ къ качинскому, и оба носятъ на себѣ слѣды прежняго сильного вліянія кыргызского и телеутского языковъ²⁾. Въ 1890 году сагайскихъ татаръ числилось всего 18.701 д. о. п.³⁾.

4) Карагасы и камасинцы. По Кастрену и Н. Ф. Катанову, у карагасовъ (кара-кашъ), обитающихъ по р. р. Окѣ, Удѣ, Бирюсѣ и Канѣ, пять костей: сарыгъ-кашъ, кашъ, чогду, кара-чогду и чептей; языкъ ихъ почти одинаковъ съ урянхайскимъ, зовутъ они себя также туба, вообще, стало быть, они отуреченные самоѣды. Числилось ихъ къ концу 1888 года 416 душъ о. п.⁴⁾.

¹⁾ «Ежемѣсячныя сочиненія о ученыхъ дѣлахъ», 1764 года, первое полугодіе, стр. 308.

²⁾ Aus Sibirien, I, 207—211.

³⁾ Н. Ф. Катановъ «Письма», стр. 24. По его же удостовѣренію (стр. 110), «у минусинскихъ татаръ родовыхъ тамгъ нѣть, а есть только фамильныя и семейныя», «въ видѣ простыхъ фигуръ (круга, дуги, треугольника, квадрата) и заимствованныхъ изъ русской азбуки, руническихъ надписей, а также тамгъ уранхайскихъ и кызыльскихъ».

⁴⁾ Aus Sibirien, I, 205, 206. Н. Ф. Катановъ «Поѣздка къ карагасамъ въ 1890 г.» («Записки и. р. геогр. общества, по отд. этнографіи», томъ 17, вып. 2, 1891 г.) и «Письма», стр. 40. По «Алф. енисеку», изд. канц. ком. мин., значится, по свѣдѣніямъ за 1893 годъ, карагасовъ и камасинцевъ по 400 душъ о. п.—цифры слишкомъ круглыя, чтобы быть точными.

Изъ трехъ улусовъ камасинцевъ, обитающихъ въ южной части урочищ области Каны, во времена Кастрена одинъ состоялъ изъ качинскихъ татаръ, другой изъ самойдовъ, сохранившихъ еще свой языкъ (кости мадоръ, ббгбш, байга, ньегъ и села, изъ которыхъ первая три встречаются и у койбаловъ), и, наконецъ, третій изъ коттовъ, говорившихъ нарѣчиемъ енисейско-остацкаго языка и звавшихъ себя коту¹). Камасинцевъ въ 1890 г. считалось 137 д.²), такъ что всего карагасовъ и камасинцевъ будетъ 553 д. о. п.

Общее число енисейскихъ тюрковъ, на основаніи приведенныхъ свѣдѣній, составить 35.793 д. о. п.

3) Урянхайцы.

Занимающіе нынѣ бассейны Улугъ-Кема и Кемчика, а также отчасти Косогола и частію южные склоны Танну, урянхай называются такъ монголами, сами же зовутъ себя туба или тува, какъ отуреченные самойды съверныхъ склоновъ Алтая и Саянского хребта; именуютъ ихъ также сойотами, соитами, сойонами. Сохраняющіе еще тюркскій языкъ урянхайцы составляютъ въ китайскомъ подданствѣ слѣдующіе хошуны: хозутскій, обитающій вблизи Косогола, изъ родовъ халюшъ, иркитъ, хасутъ, аргамыкъ; ойнарскій, по обѣимъ сторонамъ Танну, съ родами онъ, ирхытъ, соенъ, чоды; салд-жакскій, на Улугъ-Кемѣ, съ родами салджакъ, киргизъ, куль, пайгара; точжинскій, на Бей-кемѣ, изъ родовъ акъ-чеда, кара-чеда, точжи; кемчикскій съ родами камышку, иргитъ, сая, монгушъ, кара-монгушъ, кида орчакъ, ондаръ, хобалыкъ; хошуны санъ-нойона, на Кемчикѣ же, изъ родовъ тюлютъ, соенъ, каратолчакъ, кожегеть, сарыхларъ, тонгакъ, хоуларъ, карасаль, адынъ-тюллюшъ, туматъ, киргизъ; хошунъ да-вана съ родами мады и чжода или уберъ-чжода³). Общую численность урянхайцевъ А. М. Африкановъ, не считая кочующихъ на югѣ Танну, опредѣлялъ въ 35—40 т.⁴). По Н. Ф. Катанову, слѣдующему свѣдѣніямъ г. Осташкина, общее число урянхайцевъ приблизительно доходитъ до 45.000 д. о. п.⁵).

¹) Дополненія къ русскому переводу Азіи Риттера, т. 4, 1877, стр. 638.

²) Н. Ф. Катановъ «Письма», стр. 40.

³) Тамъ же, стр. 11—16.

⁴) «Извѣстія восточно-сибирскаго отдѣла и. р. географическаго общества», томъ 21, № 5, 1890 г., стр. 48. По официальной географіи Китая, изд. 1842 г., танну'скихъ урянхайцевъ состояло въ вѣдѣніи улусутайскаго цзянъ-цзюя 25 сумуновъ или ротъ, да въ вѣдѣніи цзасакту-хана 5 ротъ и санъ-нойона 13 ротъ, всего 48 сумуна. Сверхъ того было 3 сумуна смонголенныхъ урянхаевъ вѣдѣніи ургинскаго кутухты и 2 анамени кобдоескихъ («Записки о монгольскихъ кочевьяхъ», Спб., 1895 г., стр. 448).

⁵) «Письма», стр. 16. Изъ числа заимствованныхъ минусинскими татарами у урянхайцевъ тамъ «чаще встречаются такъ называемая книжеская, въ видѣ четырехлонеч-

Разматривая имена урянхайскихъ родовъ, можно видѣть, что самыи распространенные кости мады (то же, видимо, что мадоръ у камасинцевъ, мадыръ у койбаловъ), чоды (тождественная съ чеда, чжода, а также съ чогду у карагасовъ, тьода или тжогда у койбаловъ), иркитъ (ирхитъ, иргитъ, тоже, что ирге у койбаловъ, еще знавшая по самоѣдски во время Кастрена) — все самоѣдского происхожденія, какъ вѣроятно и кость куль, однаковая съ костью коль у койбаловъ. Кость сарыхларъ¹⁾, встрѣчающаяся у сагайцевъ (сарыг) и карагасовъ, вѣроятно дилинскаго корня: главные роды у кыргызовъ были джеты-сары и алты-сары. Кость киргизъ указываетъ на примѣсь кыргызовъ²⁾, а именование кости ойнаръ родомъ ойнаръ-уйгуръ (Н. Ф. Катановъ) — на присоединеніе части уйгировъ. Родъ туматъ происходит вѣроятно отъ лѣснаго народа тума, упоминаемаго со времени Чингизхана и давшаго, по омонголенію, роды туметъ у восточныхъ и западныхъ монголовъ. Имя монгушъ встречается у ферганскихъ кара-киргизовъ въ видѣ названія особаго поколѣнія, отождествляясь тамъ нерѣдко съ монгулдуръ, т. е. съ монголъ.

Въ языкѣ урянхайцевъ В. В. Радловъ усматриваетъ соотношенія къ нарѣчіямъ карагасовъ и якутовъ и полагаетъ, что отуреченіе урянхайскихъ самоѣдовъ произведено было уйгурами, указывая между прочимъ на съянто, гаогуйское племя, могущественное, по китайскимъ извѣстіямъ, въ VII вѣкѣ³⁾. Нельзя сомнѣваться въ дѣятельной роли теле или гаогуйцевъ въ отуреченіи урянхайцевъ, но, мнѣ кажется, не надо отвергать участія и турковъ-туку, — въ лицѣ непосредственно и понятѣ сосѣдающихъ съ урянхайцами на западѣ телесовъ, — а также и кыргызовъ.

Принимая въ свой составъ многія примѣси, урянхайцы должны были и съ своей стороны участвовать въ составѣ другихъ народовъ. Несомнѣнно уча-

---

наго крестика съ концами, загнутыми подъ прямымъ угломъ въ правую сторону, т. е. тама, изображающая у китайцевъ и монголовъ птицу счастія (фениксъ, у минусинскихъ татаръ кан керада кус), вышиваемую золотомъ на груди парадной одежды чиновниковъ Срединной имперіи» (тамъ же, стр. 110). Это очевидно срастика. Другихъ, болѣе обстоятельныхъ, свѣдѣній о родовыхъ тамгахъ у урянхайцевъ мнѣ не встрѣчалось.

¹⁾ По разсказамъ старика белтира Пылаксана, «племя сарыхларъ (желтые) было вытѣснено отсюда народомъ кыргысъ» (Н. Ф. Катановъ «Письма», стр. 24).

²⁾ Считался никогда кырымскимъ родъ тубинскій, кочевавшій на р. Утесѣ или Тубѣ. Кыргызы въ 1630 году говорили, что «тубинцы и киргизы — одинъ народъ» («Ежемѣсячные сочиненія», 1764 г., 1-е полугодіе, стр. 307), но эти слова надо понимать въ политическомъ смыслѣ. Тубинцы эти, кажется, не ушли съ кыргызами, по крайней мѣрѣ не всѣ, ибо у сагайцевъ есть многолюдный родъ туба. На р. Тубѣ, на утесѣ, есть монголская писаница о договорѣ цаувгаровъ съ княземъ «народа туба» («Древности минусинскаго музея», 1886 г., стр. 38).

³⁾ «Собрание свѣдѣній», I, стр. 426 и слѣд.

етіе ихъ въ образованіи западныхъ монголовъ, въ которомъ они играли роль въ числѣ другихъ лѣсныхъ племенъ. Податливость уряхайцевъ къ омонголенію подтверждается свѣжими еще примѣрами. По словамъ Г. Н. Потанина, «живущіе въ долинѣ Шишкита дархаты, повидимому, не что иное, какъ омонголившіеся уряхайцы; за такихъ же омонголившихся тюрковъ можно принять и населеніе пяти хошуновъ хото-гойту (въ аймакѣ цзасакту-хана), а затѣмъ и небольшой хошунъ мингатовъ на сѣверномъ берегу р. Кобдо, и, паконецъ, народецъ, обитающій въ западной части Монгольского Алтая, между вершинами рѣкъ Кобдо и Сенкуля». «Въ средней части Монгольского Алтая, находится халхаскій хошунъ тачжи-уряхай; теперь это настоящіе монголы, но имя хошуна вполнѣ совпадаетъ съ именемъ уряхайскаго поколѣнія тачжи-уряхай, которое живеть въ вершинахъ Енисея по Бей-кему и Тейгису... Эта халхаскій хошунъ лежить близко къ Тяньшаню и его южная граница отстоитъ отъ сѣверной подошвы Тяньшана всего на 70 верстъ. Не далеко отъ западной границы этого хошуна начинаются и земли уряхайцевъ, говорящихъ по монгольски, такъ что этотъ хошунъ какъ будто еще недавно составлялъ восточную оконечность омонголившагося уряхайскаго населенія, жившаго вдоль гребня Монгольского Алтая. Можетъ быть и ойраты или дурбенъ-ойраты въ болѣе отдаленные времена говорили тюркскимъ языкомъ»¹⁾.

Въ западной же Монголіи между озерами Кыргызъ-норомъ и Улса-норомъ обитаетъ небольшой народецъ, около 400 кибитокъ, тюркскаго языка, который монголы именуютъ хотонами. Это потомки плѣненныхъ калмыками осѣдлыхъ тюрковъ Восточнаго, а можетъ быть частію и Западнаго Туркестана, которые поселяемы были въ восточныхъ цзунгарскихъ земляхъ для снабженія калмыцкихъ князей хлѣбомъ. Теперь они поставляютъ хлѣбъ дурбетскому вану, но кочуютъ, какъ монголы²⁾.

4) Барабинцы и западно-сибирскіе татары.

На сѣверо-западѣ отъ Алтая, въ степи между Иртышомъ и Обью, живутъ барабинцы, въ числѣ (1865 г.) 4.635 д. и въ разныхъ округахъ томъльской губерніи обитаютъ (1869 г.) 37.148 д. о. п. осѣдлыхъ татаръ³⁾. Первые могутъ быть остатками очень древнихъ помѣсей тюрковъ западнаго Алтая съ уграми, сибирскіе же татары главнымъ образомъ суть потомки прибывшихъ въ XV и XVI вѣкахъ на Тоболь и Иртышъ съ ногайскими и

¹⁾ «Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. 4, 1883 г., стр. 653 и 654.

²⁾ Тамъ же, вып. 2, 1881 г., стр. 15, и Aus Sibirien, I, s.s. 221, 222.

³⁾ Aus Sibirien, I, 241—248.

киргизъ-казачьими князьями, желавшими властвовать надъ мѣстными остыками и ногулами, ногайцемъ и казаковъ, а также торговыхъ сартовъ и таджиковъ изъ Мавераннагра, такъ называемыхъ бухарцевъ, и наконецъ переселившихся въ Сибирь послѣ завоеванія ея русскими казанскихъ татаръ. У барашинцевъ В. В. Радловъ называетъ роды терене, тары, бараба, колобб, лонга, ливей и каргалы; у татаръ тарского округа туралы, аялы, курдакъ, сартакъ; у татаръ тобольского округа курдакъ, иштекъ (вѣроятно потомки осталковъ, ибо послѣдніе именуются татарами иштекъ), тогусъ, чувальчикъ, яскалбы, наанга¹⁾.

V. Киргизъ-казаки.

Этотъ народъ по численности занимаетъ второе мѣсто между тюркскими народностями (первое принадлежитъ туркамъ-османамъ), по пространству же земель—первое, ибо распространяется отъ Монгольского Алтая до низовьевъ Аму-дарьи и Каспійского моря и отъ западнаго Тянъшаня до Уральскихъ горъ. Для нашего изслѣдованія онъ особенно интересенъ, такъ какъ больше всѣхъ тюркскихъ народностей сохранилъ скотоводческій и кочевой образъ жизни и родовой бытъ, почему родовые и племенные дѣленія и ихъ имена держатся у него съ наибольшею силою и ясностью. Сверхъ того, по своему географическому положенію, киргизъ-казачьи степи помѣщали всѣ непосредственно спускавшіяся въ нихъ съ Алтая тюркскія племена, а потомъ дали пріютъ и остальнымъ тюркскимъ племенамъ, обитавшимъ первоначально въ Монголіи, такъ что въ составѣ киргизъ-казаковъ можно ожидать найти представителей всѣхъ главнѣйшихъ и древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ. Въ виду всего этого нынѣшній родовой составъ киргизъ-казаковъ заслуживаетъ особенно подробнаго и внимательнаго изученія. Киргизъ-казаки раздѣляются съ начала XVIII столѣтія на три орды, этническій составъ которыхъ мы послѣдовательно и разсмотримъ.

1) Старшая или большая орда.

Большая орда (улугъ-джюзъ), занимающая земли отъ р. Карагата (притокъ Балхаша) до Сыръ-дарьи и р. Чирчика, составилась главнымъ образомъ изъ древнихъ племенъ канглы и дулатъ, образовавшихъ сложные роды съ частями степныхъ родовъ усуней или кара-киргизовъ, пришедшихъ въ Западный Тянъшань за полтора вѣка до Р. Х. Истощенное выдѣленными

¹⁾ Тамъ же.